

В. А. ЖУКОВСКИЙ

СЕЛЬСКОЕ КЛАДБИЩЕ¹

Элегия

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.

В туманном сумраке окрестность исчезает...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сон;
Лишь изредка, жужжа, вечерний жук мелькает,
Лишь слышится вдали рогов унылый звон².

Лишь дикая сова, таясь под древним сводом
Той башни, сетует, внимаема луной,
На возмутившего полуночным приходом
Ее безмолвного владычества покой.

Под кровом черных сосн и вязов наклоненных,
Которые окрест, развесившись, стоят,
Здесь праотцы села, в гробах уединенных
Навеки затворясь, сном непробудным спят.

¹ Вольный перевод стихотворения Томаса Грея (1716–1771) «Элегия, написанная на сельском кладбище».

² При первой публикации Жуковский сделал к этой строке примечание: «В Англии привязывают колокольчики к рогам баранов и коров».

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов,
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье —
Ничто не вызовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь, сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И дети резвые, встречать их выбегая,
Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы золотую ниву жали
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали
И потом их лица кропилася земля!

Пусть рабы сует их жребий унижают,
Смеясь в слепоте полезным их трудам,
Пусть с холодностью презрения внимают
Таящимся во тьме убогого делам;

На всех явится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет;
Всемощны судьбы незыблемы уставы:
И путь величия ко гробу нас ведет.

А вы, наперсники фортуны ослепленны,
Напрасно спящих здесь спешите презирать
За то, что гробы их непышны и забвенны,
Что лествице алтарей не мыслит воздвигать.

Вотще над мертвыми, истлевшими костями
Трофеи зиждутся, надгробия блестят;
Вотще глас почестей гремит перед гробами —
Угасший пепел наш они не воспалят.

Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою
И невозвратную добычу возвратит?
Не слаще мертвых сон под мраморной доскою;
Надменный мавзолей лишь персть их бременит.

Ах! может быть, под сей могилою таится
Прах сердца нежного, умевшего любить,
И гробожитель-червь в сухой главе гнездится,
Рожденной быть в венце иль мыслями парить!

Но просвещенья храм, воздвигнутый веками,
Угрюмою судьбой для них был затворен,
Их рок обременил убожества цепями,
Их гений строгою нуждою умерщвлен.

Как часто редкий перл, волнами сокровенной,
В бездонной пропасти сияет красотой;
Как часто лилия цветет уединенно,
В пустынном воздухе теряя запах свой.

Быть может, пылью сей покрыт Гампден
надменный¹,
Защитник сограждан, тиранства смелый враг;
Иль кровию граждан Кромвель необагранный²,
Или Мильтон³ немой, без славы скрытый в прах.

Отечество хранить державною рукою,
Сражаться с бурей бед, фортуны презирать,

¹ *Гампден Джон* (1596–1643) — один из руководителей Английской буржуазной революции.

² *Кромвель Оливер* (1599–1658) — вождь Английской буржуазной революции.

³ *Мильтон Джон* (1608–1674) — английский поэт и публицист, выступал в защиту республиканских свобод.

Дары обилия на смертных лить рекою,
В слезах признательных дела свои читать —

Того им не дал рок; но вместе преступленьям
Он с доблестями их круг тесный положил;
Бежать стезей убийств ко славе, наслажденьям
И быть жестокими к страдальцам запретил;

Таить в душе своей глас совести и чести,
Румянец робкия стыдливости терять
И, раболепствуя, на жертвенниках лести
Дары небесных муз гордыне посвящать.

Скрываясь от мирских погибельных смятений,
Без страха и надежд, в долине жизни сей,
Не зная горести, не зная наслаждений,
Они беспечно шли тропинкою своей.

И здесь спокойно спят под сенью гробовую —
И скромный памятник, в приюте сосн густых,
С непышной надписью и рёзбою простою,
Прохожего зовет вздохнуть над прахом их.

Любовь на камне сем их память сохранила,
Их лёта, имена потщившись начертать;
Окрест библейскую мораль изобразила,
По коей мы должны учиться умирать.

И кто с сей жизнью без горя расставался?
Кто прах свой по себе забвенью предавал?
Кто в час последний свой сим миром не пленялся
И взора томного назад не обращал?

Ах! нежная душа, природу покидая,
Надеется друзьям оставить пламень свой;

И взоры тусклые, навеки угасая,
Еще стремятся к ним с последнею слезой;

Их сердце милый глас в могиле нашей слышит;
Наш камень гробовой для них одушевлен;
Для них наш мертвый прах в холодной урне
дышит,
Еще огнем любви для них воспламенен.

А ты, почивших друг, певец уединенный,
И твой ударит час, последний, роковой;
И к гробу твоему, мечтой сопровождаемый,
Чувствительный придет услышать жребий твой.

Быть может, селянин с почтенной сединою
Так будет о тебе пришельцу говорить:
«Он часто по утрам встречался здесь со мною,
Когда спешил на холм зарю предупредить.

Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлою рекой;

Нередко ввечеру, скитаясь меж кустами, —
Когда мы с поля шли и в роще соловей
Свистал вечерню песнь, — он томными очами
Уныло следовал за тихою зарей.

Прискорбный, сумрачный, с главою наклоненной,
Он часто уходил в дубраву слезы лить,
Как странник, родины, друзей, всего лишенный,
Которому ничем души не усладить.

Взошла заря — но он с зарею не являлся,
Ни к иве, ни на холм, ни в лес не приходил;
Опять заря взошла — нигде он не встретался;
Мой взор его искал — искал — не находил.

Наутро пение мы слышим гробовое...
Несчастливого несут в могилу положить.
Приблизься, прочитай надгробие простое,
Чтоб память доброго слезой благословить».

*Здесь пепел юноши безвременно сокрыли;
Что слава, счастье, не знал он в мире сем.
Но музы от него лица не отвратили,
И меланхолии печать была на нем.*

*Он кроток сердцем был, чувствителен душою —
Чувствительным творец награду положил.
Дарил несчастных он — чем только мог — слезою;
В награду от творца он друга получил.*

*Прохожий, помолись над этою могилкой;
Он в ней нашел приют от всех земных тревог;
Здесь все оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его спаситель — Бог.*

1802

ВЕЧЕР

Элегия

Ручей, виющийся по светлому песку,
Как тихая твоя гармония приятна!
С каким сверканием катишься ты в реку!
Приди, о муза благодатна,

В венке из юных роз, с цевницею златой;
Склонись задумчиво на пенистые воды
И, звуки оживив, туманный вечер пой
На лоне дремлющей природы.

Как солнца за горой пленителен закат, —
Когда поля в тени, а рощи отдаленны
И в зеркале воды колеблющийся град
Багряным блеском озаренны;

Когда с холмов золотых стада бегут к реке
И рева гул гремит звучнее над водами;
И, сети склав, рыбак на легком челноке
Плывет у берега меж кустами;

Когда пловцы шумят, скликаясь по стругам,
И веслами струи согласно рассекают;
И, плуги обратив, по глыбистым браздам
С полей оратаи съезжают...

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Все тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливаясь с рекой,
Поток, кустами осененный.

Как слит с прохладой растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над ручьем колышется тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье филомелы...

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

Луны ущербный лик встает из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Сию, задумавшись; в душе моей мечты;
К протекшим временам лечу воспоминаньем...
О дней моих весна, как быстро скрылась ты
С твоим блаженством и страданьем!

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!

О братья! о друзья! где наш священный круг?
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних выюг?
Где клятвы, данные природе,

Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?.. Иль всяк своей тропюю,
Лишенный спутников, влача сомнений груз,
Разочарованный душою,

Ташиться осужден до бездны гробовой?..
Один — минутный цвет — почил, и непробудно,
И гроб безвременный любовь кропит слезой¹.
Другой... о, небо правосудно!²

А мы... ужель дерзнем друг другу чужды быть?
Ужель красавиц взор, иль почестей исканье,
Иль суетная честь приятным в свете слыть
Заглядят в сердце вспоминанье

О радостях души, о счастье юных дней,
И дружбе, и любви, и музам посвященных?
Нет, нет! пусть всяк идет вослед судьбе своей,
Но в сердце любит незабвенных...

Мне рок судил брести неведомой стезей,
Быть другом мирных сел, любить красы природы,
Дышать над сумраком дубравной тишиной
И, взор склонив на пенны воды,

Творца, друзей, любовь и счастье воспевать.
О песни, чистый плод невинности сердечной!
Блажен, кому дано цевницей оживлять
Часы сей жизни скоротечной!

Кто в тихий утра час, когда туманный дым
Ложится по полям и холмы облачает
И солнце, восходя, по рощам голубым
Спокойно блеск свой разлиывает,

¹ Речь идет об Андрее Ивановиче Тургеневе (1781–1803), поэте и переводчике, с которым В. А. Жуковский познакомился во время учебы в Благородном пансионе при Московском университете.

² Имеется в виду Семен Емельянович Родзянко (1782–1808?) — поэт и прозаик, товарищ В. А. Жуковского по Благородному пансиону; сошел с ума.

Спешит, восторженный, оставя сельский кров,
В дубраве упредить пернатых пробужденье
И, лиру соглася с свирелью пастухов,
Поет светила возрожденье!

Так, петь есть мой удел... но долго ль?..

Как узнать?..

Ах! скоро, может быть, с Минваною унылой
Придет сюда Альпин¹ в час вечера мечтать
Над тихой юноши могилой!

1806

ПЕВЕЦ ВО СТАНЕ РУССКИХ ВОИНОВ²

Певец

На поле бранном тишина;
Огни между шатрами;
Друзья, здесь светит нам луна,
Здесь кров небес над нами,
Наполним кубок круговой!
Дружнее! руку в руку!
Запьем вином кровавый бой
И с падшими разлуку.
Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О всемогущее вино,
Веселие героя!

¹ *Минвана, Альпин* — условные поэтические имена.

² При первой публикации было сделано примечание: «Писано после отдачи Москвы перед сражением при Тарутине». Ко второму, отдельному изданию стихотворения (1813) Жуковский и его друг, карамзинист Д. В. Дашков (1784–1839), сделали примечания, которые в настоящем издании приводятся в сокращении с пометой (*Прим.*).

Воины

Кто любит видеть в чашах дно,
Тот бодро ищет боя...
О всемогущее вино,
Веселие героя!

Певец

Сей кубок чадам древних лет!
Вам слава, наши деды!
Друзья, уже могущих нет;
Уж нет вождей победы;
Их дома вихорь разметал;
Их гробы срыли плуги;
И пламень ржавчины сожрал
Их шлемы и кольчуги;
Но дух отцов воскрес в сынах;
Их поприще пред нами...
Мы там найдем их славный прах
С их славными делами.

Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками
Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами...
О Святослав¹, бич древних лет,
Се твой полет орлиный.
«Погибнем! мертвым срама нет!»² —
Гремит перед дружиной.

¹ *Святослав Игоревич* — великий князь Киевский в 945–972 гг.

² «Древние летописи сохранили нам краткую, но сильную речь великого князя Святослава Игоревича к его воинам на походе против греков. „Не посраим земли русския, — сказал он, — ляжем зде костыми, мертвии бо срама не имут!“ Воины, одушевленные словами и примером вождя, устремились на многочисленного неприятеля и одержали победу» (*Прим.*).

И ты, неверных страх, Донской,
С четой двух соименных¹,
Летишь погибельной грозой
На рать иноплеменных.

И ты, наш Петр, в толпе вождей.
Внимайте клич: Полтава!²
Орды пришельца, снедь мечей,
И мир взывает: слава!
Давно ль, о хищник, пожирал
Ты взором наши грады?
Беги! твой конь и всадник пал;
Твой след — костей громады;
Беги! и стыд и страх сокрой
В лесу с твоим сарматом;
Отчизны враг сопутник твой;
Злодей владыке братом³.

Но кто сей рьяный великан,
Сей витязь полуночи?
Друзья, на спящий вражий стан
Вперил он страшны очи;

¹ «Великий князь Димитрий Иоаннович (Дмитрий Донской (1350–1389). — *Ред.*), избавитель России от постыдного рабства. Со времени несчастного сражения при Калке (1223) татары господствовали над князьями российскими, свергая их по произволению с престола и налагая тяжкие дани. Димитрий отмстил за сии поругания и, предводительствуя сам соединенными русскими силами, истребил на берегу Дона несметное воинство Мамаю. Он положил первое основание могуществу России, утвержденному потом великою *четою соименных* (Иоаннами III и IV) и вознесенному на высочайшую степень Петром и августейшими его преемниками» (*Прим.*).

² Имеется в виду Полтавская битва (1709) между русским войском под командованием Петра I и шведской армией Карла XII.

³ Подразумевается украинский гетман Иван Степанович Мазепа (1639–1709), изменивший Петру I и бежавший с Карлом XII.

Его завидя в облаках,
Шумящим, смутным роем
На снежных Альпов высотах
Взлетели тени с воем;
Бледнеет галл, дрожит сармат
В шатрах от гневных взоров...
О горе! горе, супостат!
То грозный наш Суворов¹.

Хвала вам, чада прежних лет,
Хвала вам, чада славы!
Дружиной смелой вам вослед
Бежим на пир кровавый;
Да мчится ваш победный строй
Пред нашими орлами;
Да сеет, нам предтеча в бой,
Погибель над врагами;
Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!

Воины

Наполним кубок! меч во длань!
Внимай нам, вечный мститель!
За гибель — гибель, брань — за брань,
И казнь тебе, губитель!

Певец

Отчизне кубок сей, друзья!
Страна, где мы впервые

¹ Суворов Александр Васильевич (1730–1800) — русский полководец.

Вкусили сладость бытия,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки,
Златые игры первых лет
И первых лет уроки,
Что вашу прелесть заменит?
О родина святая,
Какое сердце не дрожит,
Тебя благословляя?

Там все — там родших милый дом;
Там наши жены, чада;
О нас их слезы пред творцом;
Мы жизни их ограда;
Там девы — прелесть наших дней,
И сонм друзей бесценный,
И царский трон, и прах царей,
И предков прах священный.
За них, друзья, всю нашу кровь!
На вражки грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Воины

За них, за них всю нашу кровь!
На вражки грянем силы;
Да в чадах к родине любовь
Зажгут отцов могилы.

Певец

Тебе сей кубок, русский царь!
Цвети твоя держава;
Священный трон твой нам алтарь;
Пред ним обет наш: слава.

Не изменим; мы от отцов
 Прияли верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,
 К тебе горим любовью;
Наш каждый ратник славянин;
 Все долгу здесь послушны;
Бежит предатель сих дружин,
 И чужд им малодушный.

Воины

Не изменим; мы от отцов
 Прияли верность с кровью;
О царь, здесь сонм твоих сынов,
 К тебе горим любовью.

Певец

Сей кубок ратным и вождям!
 В шатрах, на поле чести,
И жизнь, и смерть — все пополам;
 Там дружество без лести,
Решимость, правда, простота,
 И нравов непритворство,
И смелость — бранных красота,
 И твердость, и покорство.
Друзья, мы чужды низких уз;
 К венцам стезею правой!
Опасность — твердый наш союз;
 Одной пылаем славой.

Тот наш, кто первый в бой летит
 На гибель супостата,
Кто слабость падшего щадит
 И грозно мстит за брата;
Он взором жизнь дает полкам;
 Он махом мощной длани

Их мчит во сретенье врагам,
В средину шумной брани:
Ему веселье битвы глас,
Спокоен под громами:
Он свой последний видит час
Бесстрашными очами.

Хвала тебе, наш бодрый вождь¹,
Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь, и дождь,
И труд он делит с нами.
О, сколь с израненным челом²
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом,
И сколь врагу ужасен!
О диво! се орел пронзил
Над ним небес равнины...³
Могущий вождь главу склонил;
Ура! кричат дружины.

Лети ко прадедам, орел,
Пророком славной мести!
Мы тверды: вождь наш перешел
Путь гибели и чести;
С ним опыт, сын труда и лет;
Он бодр и с сединою;
Ему знаком победы след...
Доверенность к герою!

¹ То есть Михаил Илларионович Кутузов (1745–1813).

² В 1774 г. в сражении при Кагуле Кутузов был ранен турецкой пулей, которая пробила левый висок и вышла у правого глаза.

³ В первой публикации к этим стихам было дано примечание: «Сказывают, что в самую ту минуту, когда главнокомандующий, приехавший к армии, выходил из своей кареты, орел показался на высоте; полководец снял перед ним шляпу; войска закричали ура!»

Нет, други, нет! не предана
Москва на расхищенье;
Там стены!.. в россах вся она;
Мы здесь — и бог наш мщенье.

Хвала сподвижникам-вождям!
Ермолов¹, витязь юный,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам,
И страх — твои перуны.
Раевский², слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами³.
Наш Милорадович⁴, хвала!
Где он промчался с бранью.
Там, мнится, смерть сама прошла
С губительною дланью.

Наш Витгенштейн⁵, вождь-герой,
Петрополя спаситель,
Хвала!.. Он щит стране родной,
Он хищных истребитель.

¹ *Ермолов Алексей Петрович* (1777–1861) — русский военачальник, во время Бородинского сражения командовал левым флангом.

² *Раевский Николай Николаевич* (1771–1829) — русский военачальник, во время Бородинского сражения командовал Курганной батареей («батареей Раевского»).

³ Сыновья Н. Н. Раевского — А. Н. Раевский (1795–1868) и Н. Н. Раевский (1801–1843) — участвовали в Бородинском сражении.

⁴ *Милорадович Михаил Андреевич* (1771–1825) — русский военачальник; во время Бородинского сражения командовал правым флангом; видный участник кампании 1812 г.

⁵ *Витгенштейн Петр Христианович* (1769–1843) — русский военачальник; в Отечественную войну 1812 г. командовал корпусом, прикрывавшим петербургское направление.

О сколь величественный вид,
Когда перед рядами,
Один, склонясь на твердый щит,
Он грозными очами
Блюдет противников полки,
Им гибель устрояет
И вдруг... движением руки
Их сонмы рассыпает.

Хвала тебе, славян любовь,
Наш Коновницын¹ смелый!..
Ничто ему толпы врагов,
Ничто мечи и стрелы;
Пред ним, за ним перун гремит,
И пышет пламень боя..
Он весел, он на гибель зрит
С спокойствием героя;
Себя забыл... одним врагам
Готовит истребленье;
Пример и ратным и вождям
И смелым удивленье.

Хвала, наш Вихорь-атаман;
Вождь невредимых, Платов!²
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,

¹ *Коновницын Петр Петрович* (1764–1822) — русский военачальник, ближайший помощник М. И. Кутузова; после ранения П. И. Багратиона возглавил оборону левого фланга.

² *Платов Матвей Иванович* (1753–1818) — атаман Донского казачьего войска, в битве при Бородино совершил рейд в тыл левого фланга французской армии.

Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу — ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез;
Лишь к селам — пышут селы.

Хвала, наш Нестор-Бенингсон!¹
И вождь, и муж совета,
Блюдет врагов не дремля он,
Как змей орел с полета.
Хвала, наш Остерман-герой,
В час битвы ратник смелый!
И Тормасов, летящий в бой,
Как юноша веселый!
И Багговут, среди громов,
Средь копий безмятежный!
И Дохтуров, гроза врагов,
К победе вождь надежный!²

Наш твердый Воронцов³, хвала!
О други, сколь смутилась
Вся рать славян, когда стрела
В бесстрашного вонзилась;

¹ *Бенингсен Леонтий Леонтьевич* (1745–1826) — начальник штаба М. И. Кутузова; назван Нестором по имени старейшего вождя греков в Троянской войне (был старейшим среди генералов — участников Отечественной войны 1812 г.).

² *Остерман-Толстой Александр Иванович* (1770–1857), *Тормасов Александр Петрович* (1752–1819), *Багговут Карл Федорович* (1761–1812), *Дохтуров Дмитрий Сергеевич* (1756–1816) — русские военачальники, участники Бородинского сражения.

³ *Воронцов Михаил Семенович* (1782–1856) — русский военачальник; в Бородинском сражении получил рану штыком в рукопашном бою.

Когда, полмертв, окровавлен,
С потухшими очами,
Он на щите был изнесен
За ратный строй друзьями.
Смотрите... язвой роковой
К постеле пригвожденный,
Он страждет, братскою толпой
Увечных окруженный.

Ему возглавье — бранный щит;
Незыблемый в мученье,
Он с ясным взором говорит:
«Друзья, бедам презренья!»
И в их сердцах героя речь
Веселье пробуждает,
И, оживясь, до полы меч
Рука их обнажает.
Спеши ж, о витязь наш! воспрянь;
Уж ангел истребленья
Горé подъял ужасну длань,
И близок час отмщенья.

Хвала, Щербатов, вождь молодой!
Среди грозы военной,
Друзья, он сетует душой
О трате незабвенной¹.
О витязь, ободрись... она
Твой спутник невидимый,
И ею свыше знамена
Дружин твоих хранимы.
Любви и скорби оживить
Твои для мщенья силы:

¹ Щербатов Алексей Григорьевич (1776–1848) — русский военачальник, участник Отечественной войны 1812 г.; в 1810 г. умерла его первая жена, доводившаяся сестрой П. А. Вяземскому.

Рази дерзнувших возмутить
Покой ее могилы.

Хвала, наш Пален¹, чести сын!
Как бурю носимый,
Везде впреди своих дружин
Разит, неотразимый.
Наш смелый Строгонов², хвала!
Он жаждет чистой славы;
Она из мира увлекла
Его на путь кровавый...
О храбрых сонм, хвала и честь!
Свершайте истребленье,
Отчизна к вам зовет: месть!
Вселенная: спасенье!

Хвала бестрепетных вождям!³
На конях окрыленных
По долам скачут, по горам
Вослед врагов смятенных;
Днем мчатся строй на строй; в ночи
Страшат, как привиденья;
Блистают смертью их мечи;
От стрел их нет спасенья;
По всем рассыпаны путям,
Невидимы и зримы;
Сломили здесь, сражают там
И всюду невредимы.

¹ По-видимому, подразумевается *Пален Павел Петрович* (1775–1834) — русский военачальник, участник Отечественной войны 1812 г.

² *Строгонов Павел Александрович* (1774–1817) — русский военачальник, участник Бородинского сражения.

³ «Вождями *бестрепетных* названы здесь партизаны, которые в прошедшую войну, особенно в кампанию 1812 г., много способствовали к истреблению неприятеля» (*Прим.*).

СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Жуковский

Сельское кладбище. <i>Элегия</i>	5
Вечер. <i>Элегия</i>	10
Певец во стане русских воинов	14
Светлана	39
Ивиковы журавли	48
Славянка. <i>Элегия</i>	55
Лесной царь	61
К мимо пролетевшему знакомому гению	62
Невыразимое. <i>Отрывок</i>	63
«Я музу юную, бывало...»	65
〈А. С. Пушкин〉	66

И. А. Крылов

Подражание псалму 17-му	67
Отъезд из деревни	70
К спящему дитяти	73
Ода Уединение	75
Ода Блаженство	80
Сонет к Нине	85
Письмо о пользе желаний	86
Послание о пользе страстей	91
Эпиграмма на перевод поэмы «L'Art Poétique»	97
〈Эпиграмма рецензенту поэмы «Руслан и Людмила»〉	97
〈В. П. Ушаковой〉	97
Три поцелуя	98

Алексею Николаевичу Оленину	99
⟨Муза Талия⟩	100
«По части кравческой, о царь, мне речь позволь...»	101

А. И. Воейков

Дом сумасшедших	103
-----------------------	-----

Д. В. Давыдов

Бурцову. Призывание на пунш	119
Бурцову («В дымном поле, на биваке...»)	120
Гусарский пир	122
Песня («Я люблю кровавый бой...»)	122
Элегия IV («В ужасах войны кровавой...»)	124
Элегия VIII («О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов...»)	125
Песня старого гусара	126
Ответ («Я не поэт, я партизан, казак...»)	127
Полусолдат	128
Бородинское поле. <i>Элегия</i>	130
Романс («Не пробуждай, не пробуждай...»)	131

К. Н. Батюшков

Совет друзьям	132
Выздоровление	134
Ложный страх. <i>Подражание Парни</i>	135
Элизий	137
Вечер. <i>Подражание Петрарке</i>	138
Мои пенаты. <i>Послание Жуковскому и Вяземскому</i>	139
Переход русских войск через Неман 1 января 1813 года ...	149
Тень друга	150
Судьба Одиссея	152
Вакханка	153
Таврида	154
Мой гений	155

Разлука	156
Надежда	157
К другу	158
Элегия («Я чувствую, мой дар в поэзии погас...»)	161
«В Лаисе нравится улыбка на устах...»	164
«С отвагой на челе и с пламенем в крови...»	164
К творцу «Истории Государства Российского»	165
«Есть наслаждение и в дикости лесов...»	166
Изречение Мельхиседека	166

Н. И. Гнедич

Перуанец к испанцу	167
К N N	170
Осень	171
А. С. Пушкину. По прочтении сказки его о царе Салтане и проч.	172
Дума («Печален мой жребий, удел мой жесток!..»)	173

К. Ф. Рылеев

К временщику. <i>Подражание Персиевой сатире</i> «К Рубеллию»	174
Иван Сусанин	176
«Я ль буду в роковое время...»	180
〈Посвященье А. А. Бестужеву из поэмы «Войнаровский»〉	181
Бестужеву («Хоть Пушкин мне суд строгий произнес...») ...	182

В. К. Кюхельбекер

К Пушкину и Дельвигу. <i>Из Царского Села</i>	184
Греческая песнь	186
Тень Рылеева	187
Море сна	188
Родство со стихиями	189
19 октября («Блажен, кто пал, как юноша Ахилл...»)	190
Участь русских поэтов	192

А. И. Одоевский

Бал	193
«Что мы, о Боже? В дом небесный...»	194
Сон поэта	194
«Струн вещей пламенные звуки...»	195
«Что за кочевья чернеются...»	196
«Ты знаешь их, кого я так любил...»	197
«Куда несетесь вы, крылатые станицы?...»	198

П. А. Вяземский

Послание к Жуковскому в деревню	199
Прощание с халатом	201
Первый снег. <i>В 1817 году</i>	205
Негодование	208
Русский бог	214
К старому гусару	215
Еще тройка	218
Я пережил	219
Любить. Молиться. Петь	220
Петербургская ночь	221
Бахчисарай. <i>Ночью при иллюминации</i>	223
«Все сверстники мои давно уж на покое...»	227
«Пью по ночам хлорал запоем...»	227
Цветок	228
«В воспоминаниях ищу я вдохновенья...»	230

Е. А. Баратынский

Пиры	231
Уныние	238
Разуверение	238
Дельвигу («Напрасно мы, Дельвиг, мечтаем найти...»)	239
Водопад	240
Две доли	241

Истина	242
Признание	244
Оправдание	245
К... («Как много ты в немного дней...»)	247
Последняя смерть	247
Смерть	250
«Мой дар убог, и голос мой не громок...»	252
Бал	252
В альбом («Альбом походит на кладбище...»)	272
Муза («Не ослеплен я музою моею...»)	273
На смерть Гёте	273
«Болящий дух врачует песнопенье...»	275
Последний поэт	275
Бокал	278
Осень	280
«Благословен святое возвестивший!...»	286
Приметы	286
«Все мысль да мысль! Художник бедный слова!...»	287
Рифма	287
Ахилл	289
Скульптор	289
«Предрассудок! он обломок...»	290

А. А. Дельвиг

Первая встреча	291
К мальчику	292
Пушкину	293
Подражание Беранже	294
Элегия («Когда, душа, просилась ты...»)	295
Вдохновение. <i>Сонет</i>	296
Н. М. Языкову. <i>Сонет</i>	297
Сонет («Златых кудрей приятная небрежность...»)	297
Романс («Не говори: любовь пройдет...»)	298
Романс («Прекрасный день, счастливый день...»)	299

С. Д. П(ономарев)ой. (При посылке книги «Воспоминание об Испании», соч. Булгарина). <i>Сонет</i>	299
Разочарование	300
Русская песня («Соловей мой, соловей...»)	301
Идиллия («Некогда Титир и Зоя...»)	302
Русская песня («Как за реченькой слободушка стоит...») ..	302
Эпилог	303
Четыре возраста фантазии	303
«Не осенний частый дождичек...»	303
«Смерть, души успокоенье!..»	304
«Пусть нам даны не навсегда...»	305
«Нет, я не ваш, веселые друзья...»	306

Н. М. Языков

Песня («Мы любим шумные пиры...»)	307
Гимн («Боже! вина, вина!..»)	308
К халату	309
Элегия («Еще молчит гроза народа...»)	311
Родина	311
Настоящее. 6 апреля 1825. <i>Элегия</i>	312
Элегия («Счастлив, кто с юношеских дней...»)	313
Элегия («Свободен я; уже не трачу...»)	313
«Поэт свободен. Что награда...»	314
Гений	314
Две картины	315
«Не вы ль убранство наших дней...»	317
А. С. Пушкину	317
К няне А. С. Пушкина	319
Песня («Когда умру, смиренно совершите...»)	320
Пловец	320
Кубок	321
Поэту	323
Д. В. Давыдову («Давным-давно люблю я страстно...»)	324
Буря	326
Вечер («Ложатся тени гор на дремлющий залив...»)	326
Элегия («Бог весть, не втуне ли скитался...»)	327

Д. В. Веневитинов

Послание к Р(ожали)ну	328
К Пушкину	329
Поэт	331
Жизнь	332
Моя молитва	333
Италия	334
К моему перстню	335
«Я чувствую, во мне горит...»	336
«Люби питомца вдохновенья...»	338
Краткие сведения об авторах	339
Словарь устаревших слов	348
Краткий словарь мифологических имен	351